НАША ГОСТИНАЯ

Поиски

ДООРОТЬІ

Интервью — жанр вроде несложный: задавай вопросы да успевай записывать ответы. Но совсем недавно в выпуске «Кинопанирамы» народный артист Грузинской ССР, рассказывал о себе, говорил много, метренне, интересно диси». На служебном входе судьбе будущего интервью «первый контакт».

— Интервью — да промень много определяет этот

— Интервью? Для «Вечернего Ленинграда»? А может быть, прямо сейчас? Поднимайтесь

маитесь!
— Одна из приятных сторон популярности, признания в том, что вы сегодня можете выбирать: вас будут рады видеть на сценических подмостках, на съемочной площадие, на ионцертной эстраде. Что же вы выбираете?

— Все-таки кино. Только в качестве режиссера. Наверное, к 8 Марта на экраны телевизоров выйдет фильм «Мужчины и все остальные». Я был его режиссером и автором станария костальное выбрания в предоставляющим предом станария костанария по предом станария по предостанария по предом предостанария по предом предо тором сценария, который напи-сан по монм коротким расска-зам. Я вообще люблю компактное кино, компактную литературу.

— А что будет главной те-мой фильма?

— Поиски добра. Эта тема меня очень волнует, поверьте! Там будет мысль, что добро, которое может делать человек, не зависит от поста, который он зависит он занимает.

он занимает.

— А вы добрый человен?

— Мне трудно сказать... Как можно говорить о себе? Я только думаю, что нельзя делать доброе кино и быть недобрым. Сейчас люди стыдятся признаться в своей доброте...

Это качество стало немодным, понимаете? Как бабушкино платье, очаровательное, но непонимаете? Как бабушкино платье, очаровательное, но не-много смешное. Сейчас в на-ше жесткое, динамичное вре-мя человек порой считает, что доброта бесполезна, даже ме-шает. Недобрым надо делать переливание крови. Я, как ак-тер, тоже чувствую себя уча-стником этой сложной «опера-пии». ции».

— Вы уже почти ответили в мой вопрос о популярно-

на мой вопрос о популярно-сти... Я счастлив, что популя-рен! Ведь это мне не так прорен! Ведь это мне не так просто, а за что-то. Вчера по телевизору я видел передачу о братьях-хлеборобах, об их труде, детях, доме. Они популярны! Их любят! Их профессионализм — тоже искусство. Я вот сейчас подумал, что профессионализм обязывает и Я вот сейчас подумал, что профессионализм обязывает и к доброте, к пониманию.

— Ваша программа называтся «Любовь моя Тбилиси». Очень доброе назвение!

— Я очень люблю свою Грузию, Тбилиси, свой дом, род-

ных, близких, соседей, двор, где вырос, мальчишек, наши песни, наших собак. Моя мама где вырос, мальчишек, наши песни, наших собак. Моя мама — певица. В доме, когда праздник, все пели. Хуже всех пеля. И до сих пор так. Отец был журналистом, в 42-м погиб под Керчью. У него было плохое зрение, но он ушел сам, сказав матери: «Мне стыдно ходить по улицам». Он былочень добрый. Я сейчас приеду домой и буду писать сценарий нового фильма. Он будет автобиографический. О нашем военном детстве, о нашем дворе. Я, наверное, сыграю своего отца, а мой сын — меня. Хочу сделать фильм о том, почему стал артистом. Я ведь нигде этому не учился. Главную роль здесь сыграли мой Тбилиси и моя улица. Шла война, было гололно. Было много горя... Но это будет комедия. У каждого горя есть своя смешная сторона. Мон сверстники были, как сейчае комедия. У каждого горя есть своя смешная сторона. Мон сверстники были, как сейчас говорят, «трудными подростками». У многих, как у меня, не было отцов. Но почти все выросли хорошими людьми, честно делают свое дело.

честно делают свое дело.

— Нак вы определяете путь, который выбрали на эстраде?

— Я очень хочу написать статью о нашей эстраде, но друзья говорят: «Буба, это не твое дело!». У нас сейчае появилось очень много вокальномиструментальных ансамблей, которы в делого учрануют хоромвилось очень много вокальноинструментальных ансамблей,
которые просто уродуют хорошие песни. И уже русская песня не похожа на русскую, а
грузинская — на грузинскую.
Я в этом понимаю: когда-то
пел в «Орера» — первом советском ВИА. Мы пробовали,
ошибались, а побеждали тогда, когда обращались к фольклору. Нет смысла надевать костюм, выходить на сцену и
петь про дождик. Я понял, что
занимаюсь тем, чем должен,
когда на вечере в ЦДРИ в
Москве ко мне вдруг подошел
Леонид Осипович Утесов (а
раньше мы не были знакомы)
и сказал: «Ты теперь не Вахтанг Кикабидзе, а Вахтанг
Бернес». Представляете, как я Бернес». Представляете, как я был счастлив?! Это значит, что со сцены я пою от лица, от сердна своих зрителей. О том, что они думают о жизни. Беседу вел С. ШУБ